

В. С. ИКОННИКОВ

Значение царствования Екатерины II

В уме Екатерины укладывалась масса теоретических вопросов — политического, религиозного и нравственного характера, но философское направление она признавала необходимым и полезным во всякой отрасли знания, не исключая и медицины, без которого она считала эту последнюю даже бесполезною*. К концу царствования Елисаветы Петровны относится собственноручная записка Екатерины II (писанная карандашом), касающаяся общих вопросов внутреннего управления. Из нее видно, что уже тогда она набрасывала проекты мнений и правил, которым намеревалась следовать потом. «Желаю и хочу только блага стране, в которую привел меня Господь Бог, — пишет она. — Слава ее делает меня славною». Она утверждала, что «благо» и «справедливость», прямо заявленные, в состоянии победить всякие препятствия. Она советует прислушиваться к мнениям людей, высказываемым даже на рынках. Она замечает, что важны не столько общие реформы, сколько направление правительства, действующее смягчающим образом на мысли и нравы общества. Она говорит, что нужно сделать отечество лю-

* Напомним прекрасные слова Кл. Вернара: «Как экспериментатор я избегаю философских систем, но при этом я нисколько не отрицаю тот философский дух, который не принадлежат ни к какой системе, должен господствовать не только во всех науках, но и во всех человеческих знаниях... В самом деле, философия, с научной точки зрения, представляет вечное стремление человеческого ума к познанию неизвестного. Философы всегда разрабатывают спорные вопросы, принадлежащие к области крайних пределов научного знания, и потому сообщают научной мысли движение, которое облагораживает и оживляет ее... Они поддерживают жажду неизвестного и тот священный огонь исследования, которые никогда не должны пропадать в ученом»¹.

безным, и тогда не опасно будет посылать молодых людей учиться за границу. Снисходительность, примирительный дух власти делают больше, чем миллионы законов. Часто лучше вдохновлять к преобразованиям, чем приказывать о них. Далее, она говорит о свободе как дающей душу всему; сознается, впрочем, вслед за Монтескье, в своей слабости к великим родам как необходимым в монархии; указывает на необходимость обратить внимание на домашнее образование (и в особенности женское), представляющее «грязный ручей»; высказывается против крепостного права; настаивает на мерах против страшной смертности, господствующей в деревнях, на поднятии промышленности; возражает против конфискации имущества, предварительного ареста помимо суда, против чрезвычайных комиссий; прибавляет, что не следует руководиться предрассудками, что должно уважать веру, но не давать ей влияния на дела государственные. В заключение она опять повторяет: «Рабство есть гражданская потеря, убивающая взаимное состязание, промышленность, художества, науки, честь и изобилие»² (со ссылкой на Энциклоп. журнал)*.

Про Вольтера говорили, что он держит в своих руках четырех королей (Пруссия, Швеция, Дания и Россия), не считая второстепенных принцев и принцесс, великих герцогов и маркграфов. То был, по словам шведского историка Гейера³, монархический или аристократический период этой философии; позднее должен был наступить период демократический: «Руссо начал его, и с тех пор прекратилась философия великих»... Екатерина II верила в так называемый «просвещенный деспотизм», и этой религии века она осталась верной до гроба.

Вскоре по вступлении на престол, Екатерина назначила поверенного в делах при г-же Жоффрен, т. е. при ее литературном дворе, и вступила с нею в переписку. К событию 28 июня Екатерина всегда относилась весьма щекотливо, и легко понять, как неприятно было для нее узнать, что событие это было передано Вольтеру в дурном свете; но затем Вольтер высказывает уже удивление перед северной Семирамидой и величает ее (как и принц де-Линь) Екатериною «Великой»⁴. С этого времени Вольтер становится преданным блюстителем ее интересов и

* Дух века настолько давал себя чувствовать, что даже Петр III, в свое кратковременное царствование, успел создать тайную канцелярию, секуляризировать монастырские имущества, облегчить участь раскольников, ограничить монополии, разрешить вывоз хлеба за границу, понизить цену на соль и т. п., и эти распоряжения вызвали похвалы и внимание в Западной Европе.

славы, а она, в свою очередь, является ревностною покровительницею Вольтера и его друзей. Между тем, как она вступает в близкие сношения с французскими философами, у нее возникает борьба с французским правительством, с мин. Шуазелем, который в Польше, Швеции и Турции старается возбудить вражду против нее. С тех пор все неприятности для нее идут из Версаля, все утешенья из Парижа и Фернэ, и эта борьба отражается на ее переписке. Рассуждение Вольтера о приближении смерти вызывает у нее сожаления⁵; она ласкает старца и угождает ему, как преданная дочь; она шлет ему табакерки собственной работы, шубы, портреты. Она уверяет, что дорожит его сочинениями более, чем подвигами Александра Македонского, и что его письма более приятны ей, чем та угодливость, которую мог бы оказать ей этот государь⁶. Девизом своим она называет «пчелу» с надписью «полезное». Она следит за сочинениями Вольтера, а присланное собрание их, вместе с его бюстом, помещает в своем кабинете как лучшее украшение. Понятно, как должны были льстить французским писателям подобные отношения Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II, когда, чтобы добиться постановки новой драмы или получить кресло в академии, Вольтер должен был подчиняться многим унижительным для себя условиям, когда мнения Ньютона подвергались запрещению во Франции, а произведения современной литературы преследовались и могли появиться в печати только в Англии или в Голландии. Переписка Екатерины с Вольтером сосредоточивается на вопросах о веротерпимости и необходимости в государстве «одной власти», на внутренней и внешней политике. Вольтер является защитником Екатерины в ее отношениях к Петру III, в деле Мировича, в процессе Арсения Мацеевича, стоявшего будто бы только за принцип «двух властей», в ее политике в Турции и Польше, где давал себя чувствовать религиозный фанатизм, — это болезненное место в глазах современных философов*, несмотря на то, что на польском престоле сидел Станислав Август, «сделанный королем» Екатериною, — друг энциклопедистов⁸.

Почти одновременно с Вольтером, у Екатерины возникают сношения с д'Аламбером, которому она предложила быть воспитателем вел. кн. Павла Петровича (в 1764 г. д'Аламбер был избран почетным членом Академии наук)⁹, и с Дидро, Энциклопедия которого служила ей настольною книгою, где она наде-

* В 1767 г. Вольтер издал брошюру по вопросу о диссидентах, в защиту политики Екатерины, переведенную и на русский язык (1776)⁷.

ялась найти все, что ей необходимо. Она предлагала окончить печатание ее в Риге; а соч. Гельвеция (*De l'homme*), при посредстве ее посланника кн. Д. А. Голицына, было напечатано в Лондоне (1773) и посвящено ей издателем¹⁰. Екатерина приобрела библиотеку Дидро (1765), оставив последнюю в его пользовании до конца жизни и выплатив ему 50 000 ливров пенсии, как своему библиотекарю*. «В какое время живем мы, — писал Вольтер Дидро, — Франция преследует философию, а скифы ей покровительствуют». Он называет Екатерину самой блестящей звездой Севера, «ибо все другие звезды оставили бы Дидро умереть с голоду». «Мы втроем: Дидро, д'Аламбер и я воздвигаем вам алтари: вы сделали меня язычником. Мы все миссионеры, проповедующие веру в св. Екатерину, и мы можем похвалиться, что наша вера довольно распространена», — замечает он¹¹. И друзьям Екатерины удалось таки добиться, чтобы история событий 1762 г., написанная Рюльером, не была напечатана, а о самых этих событиях Вольтер отзывался, как о мелких семейных делишках, не стоящих внимания.

Г-жа Бьельке, друг матери Екатерины, жившая в Гамбурге — самом обширном в то время торговом центре Севера, была в некотором роде немецкой m-me Жоффрен, и Екатерина усердно пользовалась ее услугами (1765—1778). Нужно ли сообщить, как она подала пример привития оспы и собирала в Москве комиссию Уложения или разъяснить таинственную смерть Иоанна VI¹², ослабить впечатление, произведенное Пугачевским бунтом, и опровергнуть неприятную статью «Кельнской газеты» или «Авиньонского курьера», — тотчас пишутся письма в Фернэ, Париж, Гамбург; и нужно заметить, что письма к Бьельке и Вольтеру почти всегда идут рядом, помечены одинаковыми числами, говорят об одних и тех же предметах, почти в одинаковых выражениях и содержат в себе иногда одни и те же остроты. Позже (с 1774 г.) Екатерина вступает в постоянную переписку с Гриммом (сношения их начались раньше), этим посредником между немецкими дворами и французскими писателями, а потом ее деятельным и наиболее интимным корреспондентом, «прежде всего русским», вполне зараженным «екатеринофильством». Вопросы законодательства, литературы, просвещения, ее личные дела и невзгоды служат предметом их

* «Было бы жестоко разлучать ученого с его книгами, — писала Екатерина д'Аламберу. — Я часто бывала в опасении, чтобы не отняли у меня моих», — и так поступала она в других подобных случаях.

взаимного обмена мыслей. Если Екатерине не удалось приобрести Беккарию для разработки новых законов и пришлось разочароваться в Мерсье де ла-Ривьере, то Дидро снабдил ее Фальконетом, с именем которого связано появление замечательного памятника искусства в Петербурге — конной статуи Петра Великого, вдохновившего потом Пушкина; а с Фальконетом у Екатерины возникает опять обширная переписка, посвященная вопросам литературы и искусства и общим парижским друзьям...

Когда Екатерина оказала денежную поддержку жертвам фанатизма и несправедливости суда во Франции (Каласам, 1761—1763 г., и Сирвенам, 1764 г.)*, принятым под защиту Вольтером, то последний в письме своем к кн. Д. А. Голицыну заявил, что если бы он был помоложе, то сам отправился бы в Россию и воспевал бы ее (Екатерину) всю дорогу от подножия Альп до Архангельска¹⁴. По словам же Мишле, ничто так, как процесс Каласа, не уронило окончательно французского духовенства и не унизило правительства¹⁵. Понятно, почему Екатерина представлялась Вольтеру как бы ниспосланною ему свыше, даже божеством... В интересах торжества излюбленных идей, Вольтер выступил защитником светской власти. «Правительство тогда только хорошо, — писал он, — когда оно едино, не должно быть двух властей в одном государстве...»;¹⁶ а Екатерина в своей переписке гордилась тем, что она по праву есть «глава греческой церкви», в противоположность супрематии папы¹⁷. Образцом пастыря «нефанатика» она называет Димитрия Сеченова¹⁸, и Вольтер, в письмах своих в ней, твердит о том, что сердце его, как магнит, обращается к северу¹⁹. Но затем Екатерина в том же духе постарается представить и епископа Гавриила (Петрова), и митрополита Платона, утверждая, что русские иерархи не имеют ничего общего с католическими... Она уверяет, что в ее царствование православный, католик и магометанин уживаются мирно вместе, и охотно, как мы видели, брала под свое покровительство жертвы нетерпимости во Франции... Вольтер, в свою очередь, приветствует Екатерину, как защитницу терпимости в Польше, где она действовала в пользу диссидентов...²⁰ Он желал, чтобы Иосиф II и Венеция соединились с Екатериною против турок, представляющих позор Европы²¹. Он хотел видеть покорение Константинополя и восстановление греческо-

* В 1788 г. был издан перевод «истории о Каласах», в которой сообщены сведения по делу Сирвенон и данные об отношении к ним Екатерины II¹³.

го царства, под покровительством Екатерины, и верил, что если когда турки и будут изгнаны из Европы, то непременно русскими²². Он желал видеть в Константинополе статую Екатерины, исполненную тем же Фальконетом²³. Понятно, что Екатерине приходилось уже разочаровывать его в подобном исходе своего предприятия. Она подробно сообщает ему все перипетии первой турецкой войны, и эти известия имеют характер своего рода манифестов и бюллетеней... * Пользуясь случаем, Екатерина восхваляет подвиги своих любимцев — Орловых, сравнивая их с древними римскими героями. В таком же духе писала Екатерина и во время чумы в Москве, и во время пугачевского бунта, которые могли подавать за границу поводы к самым неблагоприятным для нее слухам, и Вольтер, под влиянием ее писем, входит до того в ее взгляды, что не замечает даже того явления, какое скрывалось за бунтом Пугачева. В порыве увлечения он восклицает: «Желаю, чтобы турок хорошенько побили, чтобы пушки барона Тотта разорвало и чтобы Пугачев был без промедления повешен»!²⁵

Пример Екатерины действовал и на ее окружающих. Посредником ее в сношениях с энциклопедистами был кн. Д. А. Голицын. Бецкий переписывался с Дидро и Жоффрен; гр. А. П. Шувалов и гр. А. Р. Воронцов — с Вольтером и Мармонтелем; Ив. И. Шувалов и кн. Юсупов посетили Вольтера²⁶; кн. Козловский считал для себя за особенную честь быть посланным от Екатерины в Фернэ²⁷, сыновей фельдмарш. Румянцова Гримм везет на поклон к Вольтеру²⁸. Кн. Гр. Орлов приглашает Руссо в свое поместье²⁹, а К. Г. Разумовский разыскивает его в Страсбурге. Дашкова дважды побывала в Париже (1770 и 1780), проводила время в беседах с Дидро и посетила Вольтера в Фернэ³⁰. П. С. Потемкин переводит соч. Вольтера и Руссо³¹, а адмирал Грейг изучает соч. Монтескье и Рейналя. В 1772 г. Екатерина пишет Вольтеру, что многие офицеры, побывавшие у него, в восторге от его приема³²; а молодые люди жадничают видеть его и слышать его разговоры. Порошин обращал внимание вел. кн. Павла Петровича на соч. Монтескье и Гельвеция³³. Сам Порошин намеревался написать сочинение «Государственный механизм», чтобы показать, что ни один чин не должен быть пренебрежен³⁴.

* Слово Платона, сказанное по случаю чесменской победы, в память Петра Великого, как основателя флота, переводится на французский язык Дашковой, которая и подносит его Вольтеру²⁴.

Пользуясь сношениями с современными мыслителями, Екатерина могла предаваться в своей переписке интересам науки и литературы; по их идеям она писала свой «Наказ». Она пользовалась их услугами для приискания офицеров, моряков, хирургов, инженеров и ремесленников, в обилии появляющихся при ней в России, а также для приобретения художественных коллекций. Но, щедро одаривая своих корреспондентов мехами, шубами (Жоффрен она пишет, что ей принадлежит по праву лишь горностаевая)³⁵ и покупкою их коллекций или принимая на себя продажу часов с фабрик Вольтера³⁶, Екатерина делала этим не одну любезность; она надеялась, как говорит сама, уничтожить слухи, распускаемые Шуазелем, который старался представить свету, что она личность сумасбродная и без средств, какими документами наполнен был, вероятно, весь архив французского посольства в Петербурге, а подобные слухи влияли на двор и министерство и позволяли распускать, по ее словам, «павлиний хвост всем тем, кто был врагом России и чьи виды шли в разрез с нашими»³⁷.

Понятно, что распространение идей современной философии не могло остаться без влияния. Екатерина хвалилась, что к нам доходят сочинения, которые запрещены Сорбонною и папою, и их можно найти даже в Сибири. В 1765 г. Вольтер издал «Философию истории»³⁸, которая, по словам Казановы, в числе 3000 экз. была распродана в России в течение недели³⁹. Ее носили в кармане, как молитвенник, а особы высшего круга даже божились именем Вольтера. В библиотеке Воспитательного дома находились соч<инения> Декарта, Пуфендорфа, Локка, Вольтера и мн. др., а «Энциклопедия» аккуратно высылалась сюда по назначению Бецкого. Соч<инения> Бильфельда (члена Берлинской акад<емии> наук), было назначено Екатериной при воспитании ее сына и в кадетском корпусе*. Как известно, она вместе с другими участвовала в переводе книги Мармонтеля «Велисарий» (1767)⁴⁰, представляющей смелый протест против нетерпимости, причем сама Екатерина перевела всю 9-ю главу, в которой самовластие подвергается беспощадному осуждению. Об этом она писала автору, а перевод книги Мармонтеля был посвящен еп<ископу> тверскому Гавриилу, потом митрополиту⁴¹. Депутаты в комиссии уложения основываются на началах естественного права, теории договора и гражданском равенстве. В Московском университете произносятся речи (Лангер)⁴²

* Екатерина читала его «Политические наставления»: автор уже следовал Монтескье.

о связи законодательства с философией (1766)⁴³; об основании правосудия не на застарелых мнениях, не на порядках, древностью введенных, а на здравом разуме и пользе управляемого общества, причем автор нападает на пытки (1767); теория законов излагается (1782—1783) по Монтескье (Шнейдер, автор «Рассуждений на книгу Монтескье»)*. Русские историки, как кн. Щербатов и Болтин, прилагают воззрения французских и английских писателей (Вольтер, Монтескье, Юм и др.) к событиям русской истории; а вопросы о свободе совести и смертной казни тот же Щербатов (в своей статистике и сочинениях) рассматривает и с точки зрения современной философии.

С начала цар<ствования> Екатерины усиливается посылка молодых людей в иностранные университеты для изучения наук политических, юридических, естественных и медицинских, богословия и восточных языков (с 1763—1795 г. в Лейпциге училось 36 студ<ентов>; в Геттингене с 1766—1772 г. — 5; в Оксфорде — 2, в Глазго — 4, в Упсале — 2, в Кенигсберге — 2, в Киле с 1766—1789 г. — 15; некоторые изучали медицину в Париже). В 1784—1787 гг. в Страсбургском университете считалось 44 — русских и лифляндцев; но также посылались за границу офицеры, моряки, художники и дети купцов, для изучения торговли. В 1768 г. по инициативе императрицы возникает особая «комиссия для переводов с иностранных языков на русский», на которую она назначила из собственных средств по 5000 руб. в год и которая внесла в русскую литературу не мало переводов греческих и римских авторов и наиболее выдающихся новых писателей по разным отраслям знания*.

По примеру г-жи д'Эпине, Екатерина открывает свой Эрмитаж, известный ее литературными собраниями, библиотекой и художественными коллекциями. Она приобретает картины Теньера⁴⁴, Вувермана, Ванло⁴⁵, эстампы, камеи. Известный Менгс пишет для нее картины⁴⁶; Рейфенштейн содействует приобретению копий с знаменитых Рафаэлевых лож, составляющих драгоценное достояние Императорского Эрмитажа⁴⁷. Ей удалось приобрести архитектора Гваренги, портретиста Лампи⁴⁸, композитора Сарти⁴⁹. Она интересуется открытиями в Помпее⁵⁰ и оказывает покровительство русским художникам (Лосенку⁵¹ и др.). «Она имела все вкусы, не имея вкуса», — говорит пр<инц> де-Линь⁵².

* Сочинение Монтескье «Дух Законов» переводилось на русский язык (Ч. I. М., 1775).

Но была еще стихия, оказавшая сильное влияние на образ мыслей и характер царствования Екатерины II, — это народная. Екатерина говорит, что, по прибытии в Россию, она задалась целью понравиться своему супругу, императрице и нации. Елисавета Петровна старалась, чтобы будущая императрица России усвоила русские нравы. Поэтому, с первых дней прибытия Екатерины, ее окружают русские камерфрау и прислуга. И Екатерина сумела воспользоваться этими условиями. Из рассказов окружающих ее лиц (гр. Румянцовой, Владиславовой, камерфрау и др.) она почерпает много сведений о быте русского двора за несколько поколений, узнает родословные русских фамилий, знакомится с русскими нравами и обычаями; она читает церковнославянские книги; усваивает народную речь, русские пословицы и песни, которыми пользуется так уместно и в своей переписке, и в литературных произведениях. К ее времени (1760—1780 гг.) относятся первые издания русских песен, сказок и былин (Чулкова⁵³, Новикова, Трутовского и др.; сборник Кирши Данилова⁵⁴, полагают, был ей известен), а также древних русских пословиц. Но этому влиянию много содействовал и тот контраст, который поражал ее в вел. князе Петре Федоровиче. <...> Признавая сама это, Екатерина заявляет, что «она прилагала величайшее старание, чтобы снискать любовь публики», и совершенно такого способа обращения требовала потом от своей невестки. В другом наставлении она требует от нее «сообразоваться с обычаями нации и иметь решительную охоту говорить на языке этой обширной монархии». На приветственную речь английского посланника гр. Букингама, сказанную на английском языке, Екатерина отвечала по-русски...⁵⁵

Перед парижскими друзьями Екатерина хвалится своим русофильством: «Не хвалите мой слог, — пишет она Жоффрен, — это меня смущает, я мало имею случаев писать по-французски; если бы вы выучились по-русски, это меня очень облегчило бы: я беспрестанно пишу на этом языке»⁵⁶. Она гордилась тем, что русский текст «Наказа» написан вполне русским языком и чужд иностранных выражений и слов (русский текст писан большей частью собственноручно Екатериною). В числе ее выписок, во время занятий русскою историей, мы находим следующую заметку из рассуждения Ломоносова: «Карл V, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями*, итальянским

* Любопытно, что Иосиф II (1781 г.) советовал Екатерине писать туркам по-немецки для вящего им внушения.

с женским полом говорить прилично; но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно он к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно». Она составила житие Сергия Радонежского по разным источникам и собственноручно написала его (издано в Петерб., 1887 г.)⁵⁷ с заметным желанием удержать обороты церковнославянского языка... На придворных выходах она кланяется по-русски (как кланяются мужчины или скорее монахи, замечает граф Эстергази)⁵⁸. Она покровительствует русским модам. «Русский народ есть особенный народ в целом свете, говорит она: он отличается догадкой, умом, силою, Я знаю это по 20-летнему опыту царствования. Бог дал русским особое свойство». В письмах своих (к Вольтеру и др.) она не раз щеголяет громадностью Русской империи, которую, однако, любит называть «своим маленьким хозяйством». В рассматриваемом отношении она имела преимущество даже перед Фридрихом II, с которым так часто соперничала в покровительстве французской философии. Немцы справедливо упрекали Фридриха за его пренебрежение к отечественной литературе...

По вступлении на престол, Екатерина оказала внимание Ломоносову и посетила его дом (7 июня 1764 г.), причем осматривала его мозаичные работы и наблюдала физические и химические опыты. Благодаря ее личному участию, стала возможною в Академии наук деятельность Шлецера, который является потом панегиристом и летописцем ее царствования. Миллеру⁵⁹, Щербатову, Новикову⁶⁰, Голикову⁶¹ были открыты архивные материалы, появившиеся в свет в их обширных изданиях и трудах. Гр. А. И. Мусин-Пушкин, известный своим собранием рукописей, в значительной степени был обязан им Екатерине II⁶². Она озаботилась собранием русских летописей и памятников (1781 и 1793 гг.) из монастырских и церковных библиотек с целью их издания, и в ее царствование русские летописи впервые были изданы в таком количестве, как долго потом не издавались⁶³. При архиве Коллегии иностранных дел (в Москве) предпринимается описание сношений России с иностранными державами. Появляются сборники и журналы, заключающие в себе материалы по истории и этнографии России (Старина и Новизна⁶⁴, Открываемая Россия⁶⁵, Повествователь древностей российских⁶⁶, Российский Магазин⁶⁷, Собрание Записок о жизни и деяниях Петра Великого и др.).

По желанию Екатерины, Стриттер извлекает из византийских историков все, что относится к славянам и России...⁶⁸ Не зная прошлой жизни народа, говорит она не раз, можно ли при-

нимать какие-либо меры для него в настоящем и будущем. Историограф Миллер удивлялся ее ученым сведениям о России, когда она была еще вел. княгиней; а в своих исторических замечаниях она нередко высказывает мысли, с такой настойчивостью проводившиеся потом школою славянофилов. Она отыскивает славянский элемент в отдаленных странах Европы и даже в Америке («Америка, Перу, Мексика и Чили наполнены славянскими названиями», — замечает она в одном наброске)... Говорят, она однажды сказала доктору Рожерсону, пускавшему ей кровь: «ну, теперь вы выпустили из меня последнюю немецкую кровь»⁶⁹, и только два раза, в переписке с Гриммом, она упоминает о своем немецком происхождении, причем, по поводу желанья султана отнять у нее Крым, она замечает: «но вы ведь знаете, что немец никогда не потерпит, чтобы его водили за нос, и он всегда оберегает более всего именно эту часть тела»...

В одном из писем к Гримму, жалуясь на упадок французской комедии и сожалея, что нет более Вольтера, Екатерина восклицает: «Настанет мелочной век Лагарпов *⁷⁰ и компании до той поры, когда взойдет звезда Востока: да, оттуда должен воссиять свет, ибо там более чем где-нибудь хранится под пеплом духа и силы». Тем не менее она постоянно твердит, что Россия — «держава европейская» (Наказ), так как она признавала основы цивилизации достоянием всего человечества. «Человеческий ум везде один и тот же», — говорит она в своей истории **.

С негодованием встретила Екатерина появление (1768) описания России в «путешествии» аббата Шаппа д'Отероша, в чем она усмотрела новый удар ее врага герц. Шуазеля, и если не вполне, то при значительном ее участии был написан знаменитый «Антидот», в котором история России и состояние страны, представленные Шаппом, рассмотрены со всею горечью «сплошного памфлета», по словам Рамбо; но мнения эти для нас важны, как выражение обычного способа защиты со свойственною Екатерине «горячностью». Точно так же отнеслась потом она и к появлению двух трудов по русской истории, написанных французами (Левеком и Леклерком)***, служившими прежде в России, против которых, в переписке с Гриммом,

* Ж. Ф. Лагарп — французский критик. Екатерина его не любила.

** Без сомнения, она следовала здесь мнениям Монтескье и Вольтера об одинаковости человеческой природы и побуждений (страстей).

*** Первый преподавал в кадет. корпусе, потом член франц. института (Hist. de Russie, I—V, 1782—1783); второй медик. Он издал «Hist. phys., morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne», 6 vv., 1783—1794. Против него писал Болтин.

она подбирает наиболее сильные эпитеты, а затем сама берется за перо, чтобы написать русскую историю, ознакомившись предварительно, при участии московских профессоров и других лиц, с обширным рукописным материалом.

Фридрих II полагал, что Екатерина II в своих планах следовала наставлениям Петра Великого, извлеченным из его бумаг. Имя Петра действительно влияло на нее обаятельно. Его портрет находился на ее письменном столе и вдохновлял ее в делах правления. Уже на первых порах она озаботилась воздвигнуть памятник Петру в Петербурге, достойный его имени, и сама входила в мельчайшие подробности произведения Фальконета. Она, можно сказать, ревновала к славе Петра, как это выразилось в споре ее с гр. С. П. Румянцовым о значении реформ последнего. По вопросу о Польше она долго держалась указаний, найденных в «мастерской» Петра Великого, т. е. «чтоб сохранить республику и вольность ее, колико возможно, в целости!» Для этого в Польше посажен ею королем старый знакомец Станислав Понятовский, «которого мы делали». Она вполне верила в способности русских людей и опять ссылалась на пример Петра Великого, сумевшего находить их даже между неграмотными... Она решительно высказалась против переделок его реформ, которые по тем или иным соображениям были допущены после его смерти... когда, по ее словам, «царствовала невежества собственная корысть и бодрствовалась склонность к старинным обрядам с неведением и непонимательством новых, введенных Петром Первым».

